

ФИЛОСОФСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ПОЭТОВ НАЧАЛА XX в.

Связь философии и поэзии не может быть оспорена. Из всех искусств поэзия наиболее близка к философии: роднит их афористичность и краткость изложения главных мыслей. Философия и поэзия, кроме того, — два взаимосвязанных пути познания мира в его наиболее глубоких сущностях. Поэзия впитывает в себя философские откровения и являет их читателю через поэтические образы.

Ключевые слова: *художественный образ, профессионализм, личность, поэт, отчуждение.*

Мы обращаем внимание на то, что выбранных нами в стихах выдающихся европейских поэтов одного поколения — Гийома Аполлинера (1880–1918 гг.), Хуана Раймона Хименеса (1881–1958 гг.), Готфрида Бенна (1886–1956 гг.), Джузеппе Унгаретти (1888–1970 гг.) — проходит идея раздвоения личности — появление у человека «двойного Я». Откуда идея «второго Я» появилась в западной поэзии? Объективное основание здесь очевидно. Именно в Западной Европе произошло окончательное становление индивидуализма как одного из направлений философского мирозерцания (Дж.С. Милл, И. Шумпетер, М. Штирнер, Ф. Ницше и т.д.). Индивидуализм, привнесенный капиталистической индустриализацией, утверждает авторитет и автономию личности, очевидность и необходимость для себя собственных приоритетов. В рамках индивидуализма, категория «Я» выдвигается на первое место, становится необходимой для философского постижения личности. Соответственно в произведениях названных поэтов, так или иначе исповедующих индивидуализм, категория «Я» выдвигается в первый смысловой ряд. Г. Бенн пишет:

*Основанный в светлой дали,
Ты сам выбираешь путь.
Всегда молчаливый, едва ли
Ждущий чего-нибудь [2, с. 7].*

Эти стихи — апофеоз собственного «Я». Продукт светлой дали — собственная исключительность, выбор жизненного пути — определяется индивидуально: только тобой, всегда молчаливым, не советуемым ни с кем, не ждущим никаких смыслов от других. И это не самовосхваление, это констатация специфичности «Я» поэта в индустриализированном и индивидуализированном мире. Заметим, что способы выражения «Я» в поэзии и философии, конечно, разные: в философии царствует логика понятий, в поэзии — художественный образ «Я», который логически не обосновывается; обоснование остается в философии «за поэтическим кадром», а в поэзии выступает как «Я» автора.

«Я» — это самоотождествление человека посредством саморефлексии, отражение в самом себе собственных психических состояний и познавательных процессов. Развитым «Я» может обладать только социализированная личность, которая владеет совокупностью способов деятельности, поведения и мышления, т.е. осмыслением настоящих общественных условий. Отсюда следует, что «Я» не может не реагировать на специфичность того общества, которое его окружает. В конце XIX в. в Западной Европе безраздельно господствовал капитализм, при котором возобладало противоречие: с одной стороны, капитализм создал идеал

развитой личности за счет возможностей полной реализации ее способностей, но одновременно тот же капитализм «зауживает» развитие личности, делает ее «одномерной», т.е., подчеркиваем, — профессиональной. Общественный индивид отреагировал на это противоречие раздвоением собственного «Я». Каким образом?

В рамках разделения труда, которое теперь уже вечно, социализация обязательно включает в себя профессионализацию, которая становится неотъемлемым признаком «Я». С нашей точки зрения, профессионализацию следует назвать «первым Я», поскольку именно профессиональные действия «первого Я» направлены на воспроизведение социально-исторического процесса, на обеспечение преемственности в развитии цивилизации. В итоге «первое Я» — это конкретная рецептура целесообразной деятельности человека в определенной обстановке общественной жизни и производства. Надо отметить принудительный характер профессионализма — как части социализации; человек не родится профессионалом, быть таковым — категорическое требование общества, оно без профессионалов существовать не может, это часть «Я» — результат его сознательной социальной деятельности. Получается, что профессионализм есть социальная маска «Я», которая способна подчинить «Я» себе. Социальный фактор может превалировать над природными факторами или хотя бы встать с ними вровень.

Но профессионализм — это только часть «Я», неправомерно отождествлять социальное и психическое в человеке. Мы уже говорили о расколотости «Я» в современном мире, обозначив «первое Я» профессиональным, которое является, безусловно, социальным. Соответственно существует и «второе Я» — психический аппарат человека: инстинктивные и врожденные начала личности, в том числе и поэтические, такие как темперамент, способность к рифмованию, чувство ритма, острота восприятия внешнего мира, любовь, ненависть, страх и т.д. С помощью этих начал личность через «второе Я» отражает не только обыденный «поток жизни», но и то, что находится вне непосредственного опыта: сновидения, различные формы экстаза, беспричинный страх и тревогу, способность к какой-либо деятельности. Эти чувства не признают течения времени, они в человеке вечны, и изменить их сознательно (как изменить профессию) невозможно. Хотя «второе Я» в какой-то степени обязательно влияет на профессионализм: индивидуальные свойства «второго Я» в какой-то мере влияют на выбор профессии, помогают или препятствуют ее освоению.

Каждый человек знает о собственном «двойном Я», но чаще не на рациональном уровне, а скорее на уровне интуитивном, а потому существование «второго Я» адекватнее всего выражается поэтически, как у Хуана Рамона Хименеса:

*«Я» — не «Я»,
Я — это он,
Кто рядом со мной идет невидимкой,
Кого иногда я вижу
И кого иногда забываю,
Он спокойно молчит, когда я говорю,
Он мудро прощает, когда я ненавижу,
Он идет по местам, где меня не бывает,
И он будет жить, когда я умру [4, с. 76].*

Читая эти строки, нельзя отделаться от «Я», от выраженного автором состояния психологической дискомфорта, личной тревоги, жизненной неудовлетворенности, которое есть результат противоречия между «первым» и «вторым Я». Эти два «Я» всегда неизменно соседствуют в человеке, но принципиально не могут слиться воедино, что, как мы говорили ранее, есть результат неразрешимого противоречия между объективно современным обеспечением обществом многогранного содержания личности и одномерностью ее реализации. Происходит раздвоение личности, поэтому человек живет в двух мирах — в мире реальном, практическом, в котором через профессионализм добывает хлеб насущный, житие в этом мире обеспечивает именно «первое Я», и в мире «второго Я».

Мир «второго Я» — ряд присущих только этому индивиду возможностей реализации самого этого «Я» в существующем обществе. Эти возможности определяются собственными умственными и психическими особенностями, данными от рождения, прямо с профессионализмом не связанными. Совокупность указанных возможностей — «второе Я» — это особый мир человека: он реален, но никогда полностью не перейдет в действительность, указанное противоречие между объективно обеспеченным современным обществом многогранным содержанием личности и одномерностью ее реализации в профессионализме не даст этому осуществиться. Только у великих людей можно констатировать максимальное сближение «первого» и «второго Я», что и дает высшие результаты их деятельности. Но любой человек, сознательно или бессознательно, стремится к этому сближению и, одновременно, понимает его невозможность. Такое противоречие и порождает чувство тревоги: выбор сделан, профессия есть, «первое Я» сформировано, но насколько оно соответствует особенностям «второго Я»? На этот вопрос никто не даст окончательного ответа, да и сам человек — или не может дать, или для утешения самого себя ответа не дает.

Исходя из наших рассуждений получается, что «второе Я» субстанционально, а «первое Я» — функционально. «Второе Я» может существовать без «первого Я», в то время как «первое Я», без «второго Я» существовать не может: оно база появления и существования «первого Я». «Второе Я» субстанционально, потому что лежит в основе умствования индивида и существует в разуме как внутреннее единство компонентов его умственной деятельности, охватывающее жизнь человека во всей ее цельности. Естественно, что «второе Я» существует в рамках способностей и талантов индивида только благодаря ему самому и ни в коем случае ни кому-то или чему-то другому. Люди довольно долго в течение жизни не обладают профессиональными навыками и знаниями, по различным обстоятельствам могут и забыть о них, приобрести другую профессию, будучи при этом совершенно адекватными людьми.

Функциональное («первое Я») предполагает деятельность в профессиональной сфере, что и определяет социальный статус человека. В отличие от «второго Я» на формирование «первого Я» влияет множество социальных факторов, определяемых общественными отношениями, а не особенностями индивида. Социальных факторов великое множество, значение их в жизни человека очень велико. Но следует выделить совершенствование в своей профессии и профессиональное (в узком смысле) образование. Здесь, в рамках «первого Я», и проявляется забота личности о своем профессиональном совершенстве и общественном положении, продвижении по службе, что и является целью любого

работающего человека. Но профессиональное совершенство невозможно без определенного уровня культуры и знакомства с ценностями и стандартами общества. Так что «первое» и «второе Я» взаимодействуют между собой и оторвать их друг от друга невозможно. Но «первое Я» агрессивно по отношению к субстанциональному «второму Я», оно теснит его в процессе жизни, часто лишает человека широты кругозора и глубины восприятия всего остального мира, кроме профессионального, но окончательно «свести на нет», безусловно, не может.

Об этом «втором Я», не притесненном профессионализмом, человек тоскует, возникает тревога, порожденная «двойным Я». Тревога — результат инстинктивного притязания человека на цельность собственной натуры. Эта тревога может принимать болезненный характер, она «всегда с тобой», она неотъемлемое свойство современного человека, уловленная и поэтически выраженная Готфридом Бенном:

*Древни твои притязанья
Как солнце, ночь и мир.
Все: мечты и познания
Породил кошмарный делир [2, с. 7].*

Притязания человека всегда социальные, они формируются и реализуются в «первом Я». «Кошмарный делир» — сдвигка, расстройство сознания. Это может быть слишком сильно сказано — поэтическое преувеличение, но тревожная тенденция в жизни человека, объективной основой которой является неотъемлемое «второе Я» личности (их единство и борьба), выражена с большой эмоциональной силой.

«Второе Я» — важнейшая составляющая личности — основа общения людей на интеллектуальном и психологическом уровне, человек за счет «второго Я» может включиться в «Ты» или «Мы» и тем самым общаться не только с другими людьми, но и с самим собой, т.е. понимать и себя.

*... Провожая корабль к лихорадкам грядущим...
О своих сожалениях, о раскаянье жгучем
Ты помнишь?
.....
Я помню, я все еще помню об этом.
.....
Вспоминаешь ли ты о предместьях, о стаде
Печальных пейзажей? [5, с. 50].*

Или:

*Она была так красива,
Что ты не посмел бы ее полюбить.
.....
А дама была так красива,
Что страх мне внушала она [5, с. 81].*

В приведенных цитатах граница между «Я» и «Ты» снята по смыслу. Произошло слияние «Ты» и «второго Я», поскольку разговор идет о поэзии — широком спектре личных чувств, об интимной жизни, а не о профессиональной инструкции — что и как практически делать. Слияние «Я» и «Ты» характерно для поэзии, оно позволяет поэту наделять своими чертами окружающий мир или

«взять на себя черты окружающего мира». Это и есть особое, поэтическое слияние черт «второго Я» с окружающим миром. Оно фиксируется в поэтических строках, которые рисуют отнюдь не тождество «Я» и «Ты», а откровения самого поэта, которые возможны только через включение себя в другое и, одновременно, понимание своей самости именно через «Ты» [2, с. 7].

*Был ты в странствиях радостных, грустных и громких
До того, как узнал, что такое неправда и возраст.
В двадцать лет ты страдал от любви, в тридцать тоже страдал.
Как безумец я жил и напрасно время терял.
Ты не смеешь на руки свои посмотреть, и готов зарыдать я, скорбя
О тебе, и о той, что люблю, и о том, что пугало тебя* [5, с. 28].

Тем самым для человеческого восприятия освобождается стихия жизни, в которой поэт указывает свое место, и тем самым прокладывает путь к демонстрации собственной сущности. Чем богаче «второе Я», а именно в нем сосредоточен талант поэта, тем больше вариантов слияния «Я» и «Ты» в рамках темы произведения. Перебор таких вариантов есть самопознание и выделение себя как поэта, а возможности перебора таких вариантов — следствие поэтического таланта. Выбранный вариант тогда есть истинная поэзия, когда он неповторим: поэтические произведения принципиально повторению не подлежат. Тайна невозможности повторения скрыта в специфике слияния «Я» и «Ты». Слияние «второго Я» и «Ты» в поэтическом произведении всегда будет достоянием только конкретного поэтического интеллекта, т.е. всегда будет индивидуальным и неповторимым. Природу и весь окружающий мир мы можем воспринимать непосредственно через «второе Я» — наука здесь не нужна, стало быть никакого эталона для поэзии не существует, она есть творчество. Но как только речь заходит о научном познании мира — необходимо теоретическое мышление, которое есть прерогатива «первого Я».

В чем особенность научного и технического творчества в сравнении с поэтическим? Интеллектуальный выход научного и технического творчества (научные и конструкторские теории, статьи в специальных журналах, отчеты, чертежи, технологические карты и т.д.) — он тоже неповторим, поэтому и подходит под определение творчества. Творец (ученый и конструктор в области техники), будучи «Я», тоже сливается с «Ты», но «Ты» уже другое, нежели в случае «второго Я» в процессе поэтического творчества. Это природные и общественные явления, но теоретически рационально оформленные. «Ты» у естествоиспытателя, конструктора, обществоведа — это теоретические (понятийные и математические) представления об исследуемых явлениях. Уже не может быть прямого слияния «Я» и «Ты» как в поэзии. Здесь основой слияния «Я» и «Ты» являются естественно-научные, конструкторские и общественные теории, т.е. профессиональные знания, а это уже царство «первого Я», в рамках которого и происходит научно-техническое творчество. Роднит научно-техническое и поэтическое творчество познание окружающего мира и самопознания, т.е. поэтическое и научно-техническое творчество является составляющей мирового интеллекта. Различие здесь в том, что результаты научно-технического творчества обязательно подлежат овеществлению (эксперимент и технический агрегат). Без овеществления научно-техническое творчество теряет смысл, оно перестает служить обществу, тогда как поэтическое творчество — продукт взаимодействия «второго Я» и «Ты» — всегда будет составляющей духовного мира человечества.

В этой связи обратим внимание на одну из частей гуманитарного, поэтического познания мира — теорию стихосложения. Как теория она принадлежит «первому Я», ею надо овладевать специально, как и прочими теориями. «Ты» в этом случае есть особенное, а именно — поэтический строй произведений, рациональное в котором функционирует только в синтезе с эмоциональным и интуитивным: поэтический образ — сердцевина поэзии — максимально интуитивен как непосредственное проникновение в истину бытия. Поэтому, как мы уже говорили, рационального эталона для поэзии не существует. И человек, освоивший теорию стихосложения, в состоянии анализировать поэтические произведения, но зачастую не может быть поэтом: поэтическое познание мира для него закрыто. Зная же естественно-научные и технические теории — максимально рациональные, где роль интуиции чрезвычайно мала, всегда можно в той или иной степени участвовать в научно-техническом творчестве.

Но уточним: поэзия — часть действительности, которая нас окружает, значит, ей присущи свои собственные законы, иначе бы не было теории стихосложения и никакой возможности «проверить гармонию алгеброй», т.е. познавать поэзию рационально. А такая возможность есть. Таким образом, теория стихосложения и творение поэзии разъединены, они принадлежат разным «Я». Тогда как прочие научные теории едины в функциях познания и творения в смысле принадлежности только «первому Я».

В итоге «первое» и «второе Я» суть различие, но существующее в едином «Я». Двойственность «Я» влечет за собой специфику человеческого отражения мира, в частности, определяет такой сложный процесс, как отчуждение личности.

Профессионалы двигают вперед и совершенствуют все области общественной жизни. В этом положительное значение профессионализма. Однако несмотря на все положительные стороны профессионализма — это в той или иной мере (мы сейчас не говорим о степени) искаженное видение мира. Профессия необходимо рисует окружающий мир — многослойный и многогранный — через свои собственные понятия, и только! За счет этого профессионализм отчуждает личность от окружающего мира, лишает мир его многообразных чувственных красок. Этот процесс оказывает прямое влияние на взаимоотношение «первого и второго Я» во внутреннем мире человека.

Чем больше действителен мир «первого Я», тем менее действителен чисто человеческий мир «второго Я», в итоге происходит раскол единого «Я», в человеке начинает превалировать «первое Я», потому что в современном мире человека ценят, выдвигают и поощряют прежде всего по присущему ему профессионализму. Происходит процесс отчуждения внутри «Я»: человеческие, естественные черты личности отходят на второй план, подавляются, в значительной мере испытывая влияние черт «первого Я», привнесенных в личность в принудительном порядке. Принуждение следует со стороны общества — быть профессионалом. Принуждение идет со стороны науки: она требует особой деятельности по освоению ее. Принуждение идет со стороны производства: оно требует овладения различными производственными умениями. Это и есть процесс внутреннего отчуждения личности через «первое Я», которое подавляет «второе Я», человек отчуждается сам от себя в угоду обществу. Обе части «Я» входят в конфликт, который вечен и объективен, который есть мировая судьба человека. Но, подчеркиваем, окончательно «первое Я», поскольку оно принуди-

тельно, «второе Я» никогда подавить не сможет: в производственный робот человек никогда не превратится. «Второе Я» никуда не исчезнет, оно естественно для человека, оно наследует всю интеллектуальную и эмоциональную историю развития человечества, а не частичку истории, как это характерно для «первого Я», так что «второе Я» никогда не будет тождественно «первому Я».

Итак, профессионализм отчуждает личность и от самого себя, и от окружающего мира. Только малая часть мира — компетенция профессиональной составляющей сознания — отражается человеком адекватно. Но эта адекватность самим же профессионалом расширяется за счет познания процессов, входящих в его компетенцию. Диалектика этого процесса заключается в том, что без «второго Я» профессионал обойтись не может, его «первое Я» оказывается недостаточным.

Кроме освоенного профессионалом мира, существует еще непознанный трансцендентальный мир, входящий в профессиональную компетенцию. Что такой мир существует никто не сомневается, тем более профессионал. Проникновение в этот мир происходит за счет сложного взаимодействия «первого» и «второго Я». «Первое Я» — это рациональное, профессиональное знание, именно оно определяет профессионала. Во «втором Я» сплетены априорные формы мышления, предвидение, интуиция, фантазии и т.д. — вообще различные виды иррационализма, определяющие спектр способностей человека. Знания на уровне профессионального «первого Я», их основа есть устоявшиеся теории, не вызывающие сомнения, поскольку подтверждены исторической практикой. Именно поэтому «первое Я» — начало «мозгового штурма» трансцендентального мира. В процессе такого штурма взаимодействие «первого» и «второго Я», в результате которого и родится представление о постигаемой трансцендентальной части мира, есть результат творчества профессионалов, без которого не было бы развития вообще и материальной базы общества в частности. Конечно, в этом творчестве основную роль играет «первое Я»: без знания и усвоения научных теорий никакого творчества, движения вперед в профессиональной сфере не существовало бы вообще. Но без активного участия «второго Я» такое творчество тоже было бы невозможно. Это видно хотя бы потому, что существующие научные теории доступны широкому кругу образованных людей, но далеко не все могут осуществлять познание еще не познанного из-за отсутствия соответствующих способностей, которые концентрируются именно во «втором Я». Не все, даже образованные люди, могут ставить перед собой познавательные задачи и решать их.

В результате творчества профессионалов появляются новые теории, которые становятся достоянием «первого Я». Соответственно никуда не исчезнет отчуждение личности — ни от внешнего мира, ни внутри «Я». Просто отчуждение переходит на новый уровень, и вообще научное познание (профессиональное) отчуждение принципиально ликвидировать не может. Следовательно, на профессиональном уровне творчество не может быть абсолютно свободным. «Первое Я» эту свободу ограничивает в качестве совокупности уже раз и навсегда данных знаний, с которыми должно согласовываться новое знание. Классическая механика есть исходный пункт рассуждений в процессе создания квантовой механики и теории относительности, она и ограничила свободу выбора, поставила разработку этих теорий в жесткие рамки. Кроме того, классическая механика сохранила себя и в квантовой механике, и в теории относительности как

пределный случай, обеспечить тем самым «коридор» создания этих теорий. Следовательно, в рамках профессионального творчества личность не может творить в полной мере свободно и, соответственно, преодолеть собственное отчуждение — объективную основу искажения мира. Термин «профессиональный кренизм» родился не случайно.

Поэт отличается от простых смертных тем, что его «первое Я» включает в себя целостное, обобщенное видение мира. Говоря о себе, о своем Я, прибегая к местоимению «он», Аполлинер пишет в своем стихотворении «Чудо войны»:

*...он умел быть везде...
... в прочей вселенной без края и мира
.....
... если в эту минуту я всюду,
То все же в самом себе только я сам [5, с. 135–136].*

То есть видение мира поэтом включает в себя непосредственные опытные, обыденные и научные представления, но не сводящиеся друг к другу, а потому далеко выходящие за рамки опытных, обыденных и научных знаний, поскольку они синтезированы в единство самобытным и неповторимым «Я» поэта — его талантом.

Именно этого нет и не может быть у профессионала, там основой «первого Я» являются строго фиксированные научные теории. В творчестве профессионала именно они играют основную решающую роль, ограничивая свободу творчества и порождая отчуждение.

В творчестве же поэта «первое» и «второе Я»: играют одинаковую роль. В соединении «первого» и «второго Я» у поэта возникает особый поэтический — сверхчувственный мир, а потому в поэтическом творчестве исчезает отчуждение «Я» поэта как от внешнего мира, так и внутри «Я». У поэта функционирует только «живое созерцание» самого себя: мысль свободно парит, не подвластная обыденным связям, так что рассуждения об отчуждении сознания от окружающего мира теряют смысл. Можно сказать, что это свободное парение поэтического интеллекта есть всеобъемлющее отчуждение, переходящее в отрицание отчуждения. Подтверждается мысль Гегеля о том, что отчуждение, становясь всеобъемлющим, уничтожает самоё себя.

С особой ясностью это проявилось в стихотворении Унгаретти «Светотень»:

*Даже могилы и те исчезли
.....
Тьма бесконечно распласталась между
Этим балконом и кладбищем.
.....
Мой товарищ араб,
Который покончил с собой вчера,
Зашел проведать меня.
.....
Возвращается день,
.....
С ним возвращаются и могилы
На темно-зеленом фоне
Остатков тьмы*

*На светло-зеленом фоне
Нового дня [6, с. 113].*

Ситуация совершенно не реальная, связать ее с непосредственно воспринимаемым миром невозможно. Происходит возвращение сознания к самому себе, поскольку «первое» и «второе Я» слились воедино, у поэта «первое Я» растворилось в иррациональных представлениях «второго Я», возникла особая поэтическая реальность: чистое сознание поэта, не контролируемое отношениями объективного мира. Но тем не менее сказанное не означает, что представления «первого Я» окончательно исчезли из сознания поэта. В стихотворении Унгаретти оперирует реальными вещами, все вещи и персонажи имеют наглядное выражение, но все вместе поставлено в такую ситуацию, которой в реальном мире быть не может. О каком-то искажении мира речи не идет, потому что поэзия — процесс преобразующего отражения действительности. Выход за пределы наличного бытия, к поэтической свободе. Но поэзия, свободная в своих мыслях и чувствах, — совсем не произвол над действительностью: в поэзии происходит органическое слияние действительности со всем строем личности поэта.

У названных поэтов вместе с устойчивыми свойствами их личностей — важнейшее место занимают принципы гуманистического отношения к действительности и духовной жизни — как в общественном, так и личном проявлении. Но, естественно, эти принципы у каждого поэта имеют сугубо индивидуальную окраску. В поэзии эталона нет: поэт за счет «магии рифмования», свойственной только ему, окутывает излагаемый материал сугубо субъективным «чувствованием жизни» и таким образом освобождает описываемый материал от обыденности, подает его в трансцендентальной философской форме, что придает его творениям привлекательность несбыточности через мощь целостных абстракций и через силу выражения реальных человеческих чувств.

Поэтому приведенные произведения «философскоемки»: их не читают для удовольствия, их изучают, что без философии сделать нельзя. Стихи таких поэтов — это синтез композиций классической литературы, фантазий, отражений жизни с помощью «кривых зеркал», медитаций и переливание страстей, самопроизвольного проникновения мыслей, мотивов легенд и песен в их собственные творения. Именно через такой синтез поэты вводят читателей в мир, которого вольно или невольно чуждается большинство: окружающий мир превращается в действительность высшего порядка — в мир сущностей, не имеющий наглядного выражения, но ведущий к проблемам, поставленным временем. Все это постигается только философским умозрением. Здесь и происходит соединение философии и поэзии, превращающее поэзию, как и философию, в «навигатор» жизни. И одновременно поэзия предстает перед читателем как чудо освоения мира в философско-поэтической трансцендентальной форме. В этом интеллектуальная сила и притягательное очарование такой поэзии.

Библиографический список

1. Боккаччо Дж. Малые произведения. Л.: Худ. лит., Ленинградское отделение, 1975. 606 с.
2. Головин Е. «Я, Ты, Он...» // Завтра. 2010. Май. № 21 (862). С. 8.
3. Савич О. Избранные переводы. Поэты Испании и Латинской Америки. М., 1988. 239 с.
4. Аполлинер Г. Стихи. М., 1967. 335 с.
5. Итальянская лирика XX век. М., 1968. 392 с.